

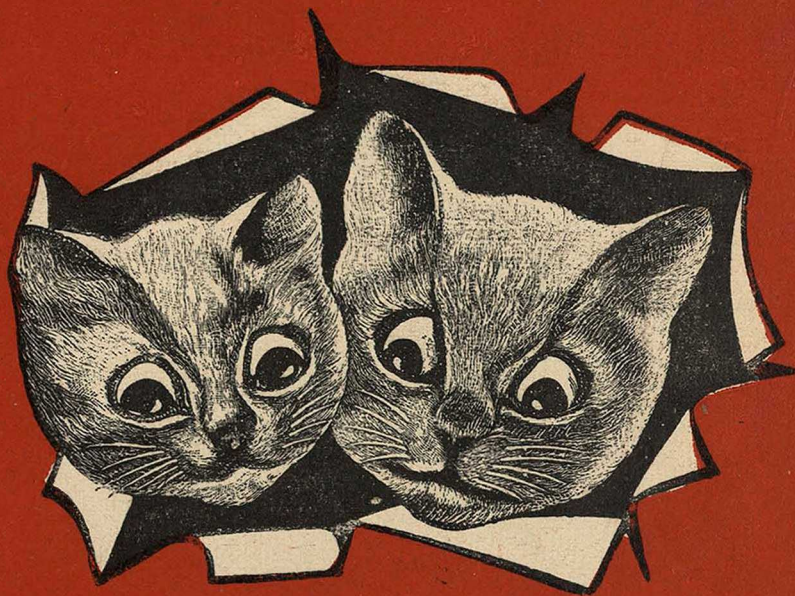
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія шестой.

ФЕВРАЛЬ.

№ 7.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛѢ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПОСЛѢ СВЯТОКЪ.
ВОСПОМИНАНІЯ СКВОРЦА.
ПОРА УЖЪ!..
ДВѢ СИРОТКИ (повѣсть).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Поѣздъ желѣзной дороги—для склеиванія

№ 7. Февраль, 1913.

Годъ издания VI-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

... Взявъ какое-нибудь шитье, она присаживалась къ отцу.

ПОСЛѢ СВЯТОКЪ.

Пролетѣли святки и унылыхъ будней
 Снова потянулась скучная череда.
 Только въ домѣ стало тише и безлюднѣй,
 Да еще суровѣй стали холода.
 Утромъ рано-рано, только семь пробило,
 Няня будить въ школу. На дворѣ темно,
 За ночь подъ окошкомъ снѣгу навалило,
 Въ ледяныхъ узорахъ бѣлое окно.
 Ахъ, какъ жаль разстаться съ теплою постелью!
 Няня ходитъ съ свѣчкой и ворчитъ на всѣхъ:
 — „Не годится съ дѣтства привыкать къ бездѣлю,
 Будни для ученья — святки для потѣхъ!“
 На дворѣ морозно. Щеки щиплетъ колко,
 На вѣтвяхъ сосулекъ синеватый блескъ,
 А глаза закроешь — снова святки, елка,
 Музыка и свѣчи и хлопушекъ трескъ.

Е. Селунская.

ВОСПОМИНАНІЯ СКВОРЦА.

Мы зимовали на одномъ изъ Эгейскихъ острововъ, недалеко отъ Греціи. Надъ нами синѣло прозрачное, ясное небо, вокругъ насъ плескалось безконечное, лазурное Средиземное море, на которомъ тамъ и сямъ синѣли далекіе греческіе острова, и сбросившіе недавно листву сады уже готовились снова зазеленѣть и зацвѣсти. Темные кипарисы задумчиво покачивали вершинами и набѣгавшій вѣтерокъ шумѣлъ въ хвояхъ пиній. Все кругомъ было красиво и уютно, намъ было тепло, но какая-то странная грусть наполняла наши сердца. Мы тосковали. Намъ тянуло въ Россію, къ нашимъ милымъ скворешникамъ, гдѣ мы родились и гдѣ все было для насъ близкимъ и роднымъ. Мы жили стаей, но уже не шумѣли, не пѣли и не рѣзвились, какъ, бывало, въ Россіи, и угрюмо перелетали съ вѣтки на вѣтку и отыскивали себѣ ѣду. Ходили турки въ красныхъ фескахъ и греки, но они не обращали на насъ вниманія и это еще болѣе

тянуло насъ на родину, гдѣ намъ радовался каждый деревенскій мальчуганъ.

И вдругъ, въ началѣ Февраля, нашъ вожакъ сказалъ:—

— Теперь пора! Собирайтесь въ путь!

Мы весело засвистѣли, защебетали и раннимъ утромъ, едва только на востокѣ стала алѣть заря, всею стаей отправились въ дорогу. Мы полетѣли на сѣверъ. Подъ нами потянулись море, острова, мы видѣли издалека Константинополь съ его минаретами и бѣлыми домами и вотъ, наконецъ, въ далекой синевѣ передъ нами показались высокія Крымскія горы. Мы летѣли, не отдыхая, и до захода солнца были уже въ Крыму. Переночевавъ въ одномъ изъ садовъ около Ялты, мы снова отправились въ путь, перелетѣли черезъ Тавричскій полуостровъ и вотъ передъ нами потянулась дорогая Россія. Сначала степи, затѣмъ Малороссія, а вотъ наконецъ и наша родная Тульская губернія, съ ея полями и лѣсами и съ сѣренькими деревнями, низко прикорнувшими къ землѣ. Здѣсь еще совсѣмъ зима. Все засыпано снѣгомъ, рѣки еще стоятъ подъ льдомъ, но въ воздухѣ уже чувствуется приближеніе весны и на деревьяхъ уже шумятъ и кричатъ прилетѣвшіе раньше насъ грачи.

Быль вечеръ. Холодное солнце заходило краснымъ большимъ кру-

гомъ и все окрашивало въ оранжевый цвѣтъ. Мы прилетѣли къ своей деревнѣ и, сѣвши всею стаей на большое дерево, стали радостно пѣть. Тотчасъ-же изъ избъ вышли ребята и мужики и, обрадовавшись нашему прилету, стали махать намъ руками и манить къ себѣ.

— Скворцы прилетѣли! раздались голоса.—Теперь уже скоро весна!

Мы сидѣли на деревѣ и распѣвали и намъ казалось, что лучшаго мѣста, какъ эта наша деревня, не было во всемъ свѣтѣ.

Затѣмъ крестьяне поставили скворешники и мы стали выбирать для себя жилища. Наши старики заняли свои прежнія скворешники, а мы, молодежь, должны были брать съ боя новые, и я не могу описать, какая началась среди насъ суета, окончившаяся даже дракой. Каждому изъ насъ хотѣлось занять скворешникъ поудобнѣе, но насъ было много, и, конечно, побѣдилъ тотъ, кто былъ посильнѣе, а остальные должны были искать себѣ помѣщеній гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Среди остальныхъ оказался и я со своей молодой подругой.

— Куда-же теперь летѣть? спросила она у меня.

— Полетимъ на барскій дворъ! сказалъ я.

Верстахъ въ двухъ отъ селенія находилась чья-то усадьба. Въ нее то мы и полетѣли. Здѣсь оказался скворешникъ, еще не занятый

скворцами, и мы рѣшили въ немъ поселиться и вывести дѣтей. Каково-же было наше удивленіе, когда мы увидѣли въ немъ воробьевъ! Они уже давно поселились въ немъ и уже почтенная воробыха, широко растопыривъ перья, сидѣла на яйцахъ, а около нея находился супругъ и быстро и непонятно о чемъ-то ей говорилъ.

— Идите отсюда вонъ! крикнулъ я воробью.

— А вы кто такіе? обратился онъ ко мнѣ.

Вмѣсто отвѣта я схватилъ его клювомъ за вихоръ, вытащилъ изъ скворешника и выбросилъ на воздухъ.

— Карауль! Грабятъ! закричалъ воробей.

— Сюда! Ко мнѣ! Скорѣй! закричала и воробыха.—Насъ обижаютъ!

Но я схватилъ за вихоръ и ее и тоже выбросилъ ее изъ скворешника.

— Можете гнѣздиться и подъ крышей! проворчалъ я.—А скворешники поставлены только для насъ!

Затѣмъ я выкинулъ на землю всѣ воробьиныя яйца и мы принялись устраивать наше гнѣздо. Мы устлали его куриными перьями, убрали его и у насъ стало уютно и тепло. Довольные, мы сѣли на вѣточку, прибитую къ скворешнику и стали весело распѣвать. И странное дѣло! На дворѣ тре-

щаль морозъ, кругомъ все было въ снѣгу, съ неба часто падали хлопья снѣга, корма не было еще нигдѣ, и негдѣ было его достать, а я и моя подруга были довольны, и пѣли во всѣ голоса. Каковъ бы ни былъ холодъ, мы, привыкшіе за зиму къ теплу на нашемъ греческомъ островѣ, ни на одинъ день не теряли хорошаго настроенія и пѣли такъ, точно свѣтило яркое солнце и было тепло.

— Ахъ, какъ хорошо! восклицали мы.—Какъ пріятно вернуться на родину!

А тѣмъ временемъ весна, которую мы обогнали въ Турціи, шла все выше и выше и наконецъ и у насъ стали дружно таять снѣга и потекли ручьи. Засвѣтило солнышко, засуетились и защебетали птицы и потянуло той радостью жизни, для которой существуетъ все земное. Зазеленѣли затѣмъ поля и березки, замычали коровы, обрадовавшіяся свободѣ, и заиграла нѣжная пастушья свирѣль. Наступили блѣдныя задумчивыя ночи и пахарь въ первый разъ, благословясь, выѣхалъ съ сохою въ поле. Ахъ, какъ я люблю это время, какъ мнѣ нравится сѣверная русская весна!

Насталъ Апрель.

— Ну, обратился я къ своей супругѣ, теперь пора высиживать птенцовъ!

Она снесла пять [голубенькихъ,

очень блестящихъ, точно покрытыхъ лакомъ, личекъ и сѣла на нихъ. Тѣмъ временемъ я весело распѣвалъ. Никакая русская птица не способна такъ къ подражанію, какъ скворецъ. То я свисталъ иволгой, то лаялъ собакой, то щелкалъ перепеломъ, то пѣлъ цѣлыя пѣсни, которыя пѣли на деревнѣ дѣвушки. Я передразнивалъ пѣтуха, ржалъ лошадю, и мычалъ, какъ корова. Всѣ эти звуки я перемѣшивалъ съ радостнымъ протяжнымъ свистомъ и изъ моего пѣнія получалось что-то сложное, разнообразное, чему удивлялся я самъ. При этомъ я охорашивался, перебиралъ на себѣ клювомъ всѣ перышки и махалъ крыльями. И всякій разъ, проходя мимо моего скворешника, кучеръ Никита останавливался и, весело осклабивъ лицо, повторялъ:

— Ахъ, ты птичья обезьяна!

Черезъ шестнадцать дней у меня вывелись птенцы и для меня началась трудовая жизнь. И я, и моя подруга, теперь уже не присаживаясь ни одну минуту, должны были добывать кормъ и воспитывать нашихъ птенцовъ. Съ ранняго утра и до поздняго вечера мы проводили на крыльяхъ. Мы ловили мухъ, личинокъ, жуковъ, червей, улитокъ, гусеницъ,—и все это несли къ себѣ въ скворешникъ, гдѣ насъ уже ожидали наши голенькіе желторотые ребята и широко разѣвали свои клювы.

— Мнѣ! Мнѣ! кричали они.— Дай первому мнѣ!

Боже мой, какъ много они ѣли! У насъ не хватало силъ, чтобы накормить cadaго изъ нихъ досыта и мы прямо опускали крылья, не зная, какъ еще больше добыть ѣды. Только однихъ жирныхъ насѣкомыхъ, вродѣ гусеницъ и улитокъ, мы приносили нашимъ птенцамъ болѣе, чѣмъ по 350 штукъ въ день, а такую мелочь, какъ мухи и комары — мы приносили имъ цѣлыми тысячами и все это съѣдалось безъ остатка. За то и росли наши дѣти не по днямъ, а по часамъ. Но и при такомъ тяжеломъ трудѣ я нѣтъ-нѣтъ и урывалъ по вечерамъ часокъ-другой, чтобы попѣть. Жена любила мое пѣніе и иногда просила меня попѣть и по утрамъ. Я исполнялъ ея просьбу и, пока пробуждались наши дѣти, привѣтствовалъ восходъ солнца радостнымъ, протяжнымъ свистомъ.

Къ началу іюня наши птенцы оперились уже настолько, что мы вывели ихъ изъ скворешника на воздухъ. Съ какою гордостью мы показали ихъ нашимъ сосѣдямъ! Были тутъ и другіе молодые скворцы: стараго скворца всегда легко отличить отъ молодого, потому что старый всегда темнѣе окрашенъ. Мы поучили нашихъ дѣтей 4 дня летать, а затѣмъ вся молодежь соединилась въ одну стаю и полетѣла въ поле. Тамъ

они уже сами должны были найти себѣ пропитаніе, — и я и моя подруга были теперь уже свободны. Мы исполнили свой долгъ: мы выросли дѣтей, воспитали ихъ, все время мы были веселы, не роптали и трудились, — и теперь и сами могли отдохнуть. Мы прожили еще нѣкоторое время въ родномъ скворешникѣ, а затѣмъ и сами улетѣли въ поле.

— Теперь — до будущаго года! вздохнули мы, прощаясь со своимъ гнѣздомъ.

Кончилось лѣто, наступилъ сентябрь и зажелтѣли деревья. Съ полей уже былъ снесенъ весь хлѣбъ, слышались звуки молотъбы и высоко въ небѣ жалостно закричали караваны гусей и журавлей. Такъ стало грустно — жутко кругомъ, точно все приготовилось умирать.

Скоро зима! Пора къ отлету!

И вотъ въ одинъ изъ непривѣтливыхъ сентябрьскихъ вечеровъ, мы всѣ, сколько насъ было, собрались въ одну большую стаю и долго сговаривались, куда летѣть.

— Въ Египетъ! кричали одни изъ насъ. — Тамъ тепло!

— Нѣтъ, на прежнее мѣсто, на греческій островъ! кричали другіе.

— Полетимте лучше въ Крымъ! кричали третьи. Это будетъ поближе!

Но одинъ изъ насъ, нашъ вожакъ, вышелъ на средину и, поклонившись всѣмъ намъ, сталъ держать такую рѣчь:

— Господа Скворцы! сказали онъ. — Намъ нужно улетѣть куда-нибудь подальше на югъ, гдѣ будетъ теплѣе, чѣмъ на греческомъ островѣ и въ Крыму. Въ нынѣшнемъ году будетъ жестокая зима. Объ этомъ я сужу по тому, что уродилось много рябины и всѣ можжевельниковые кусты почти сплошь усыпаны ягодами. Богъ нарочно дѣлаетъ такъ передъ жестокими зимами, чтобы тѣ птицы, которые останутся здѣсь зимовать, не остались безъ корма. Поэтому я рекомендую вамъ летѣть въ Египетъ!

— Это вѣрно! Это вѣрно! слышались голоса въ отвѣтъ.

И мы всей стаей снялись съ мѣста и полетѣли въ Египетъ.

Нашъ вожакъ оказался правъ. Въ ту же ночь задулъ рѣзкій встрѣчный вѣтеръ и пошелъ густой сухой снѣгъ. Мы летѣли черезъ всю Россію, едва имѣя силъ побѣждать этотъ вѣтеръ, снѣгъ залѣплялъ намъ глаза и тотъ путь, который мы должны были-бы совершить въ однѣ сутки, мы едва выполнили въ три ночи и два дня. Мы выбивались изъ силъ. Порывы вѣтра относили насъ назадъ и наши крылья не могли побѣдить ихъ и многіе изъ насъ стали отставать.

— Бодрѣе! Впередъ! кричалъ намъ вожакъ. — Скоро будутъ Крымъ и Черное море, а тамъ будетъ уже теплѣе.

Но на этотъ разъ онъ ошибся. Когда мы долетѣли до Чернаго

моря, то у насъ такъ болѣли плечи, что мы не могли владѣть крыльями. Намъ слѣдовало-бы отдохнуть, но какая-то невѣдомая сила тянула насъ все впередъ и впередъ, ничто въ свѣтѣ не могло-бы остановить насъ и, не смотря на то, что море ревѣло и громадными волнами рушилось на берегъ и по прежнему дулъ рѣзкій, встрѣчный вѣтеръ, мы присѣли на минуту и затѣмъ снова отправились въ путь. Мы не ѣли уже три дня. Наши силы стали ослабѣвать.

— За мной! кричалъ намъ нашъ вожакъ.—Еще сутки и мы будемъ уже въ Египтѣ!

Цѣлой стаей мы ринулись за нимъ впередъ и скоро увидѣли подъ собою клокотавшее море. Боже мой, какъ мнѣ было страшно надъ нимъ летѣть! Мы видѣли, какъ внизу подъ нами бился съ волнами какой-то большой пароходъ и выпускалъ большіе клубы чернаго дыма. Какъ мнѣ хотѣлось спуститься на него и отдохнуть! Но нашъ неутомимый вожакъ летѣлъ передъ нами и кричалъ намъ:—„Впередъ! Впередъ!“ и мы послушно слѣдовали за нимъ.

И вдругъ страшный порывъ вѣтра налетѣлъ на насъ, смѣшалъ всю нашу стаю и закрутилъ насъ въ вихрь. Мы безпомощно замахали нашими уставшими крыльями, закружились и сбились съ пути. У насъ не хватило силъ преодолѣть этотъ бѣшенный порывъ.

Вслѣдъ за нимъ на насъ налетѣлъ второй порывъ, еще страшнѣе перваго, и вся наша стая понеслась къ водѣ. Съ головокружительной быстротой и не помня себя, мы падали съ высоты внизъ и я увидѣлъ вдругъ, какъ море приблизилось ко мнѣ и какъ всѣ мои товарищи упали въ воду.

— Спасайся, кто можетъ! раздались крики.

Я еще разъ или два взмахнулъ крыльями, но высокая волна подхватила меня и я тоже сталъ тонуть. Безнадежно разставивъ крылья, я поплылъ туда, куда несло меня волной, видѣлъ, какъ сотнями гибли вокругъ меня мои братья и сестры, и ничѣмъ не могъ имъ помочь.

— Прощайте! закричалъ я имъ.—Мы не увидимся уже больше никогда!

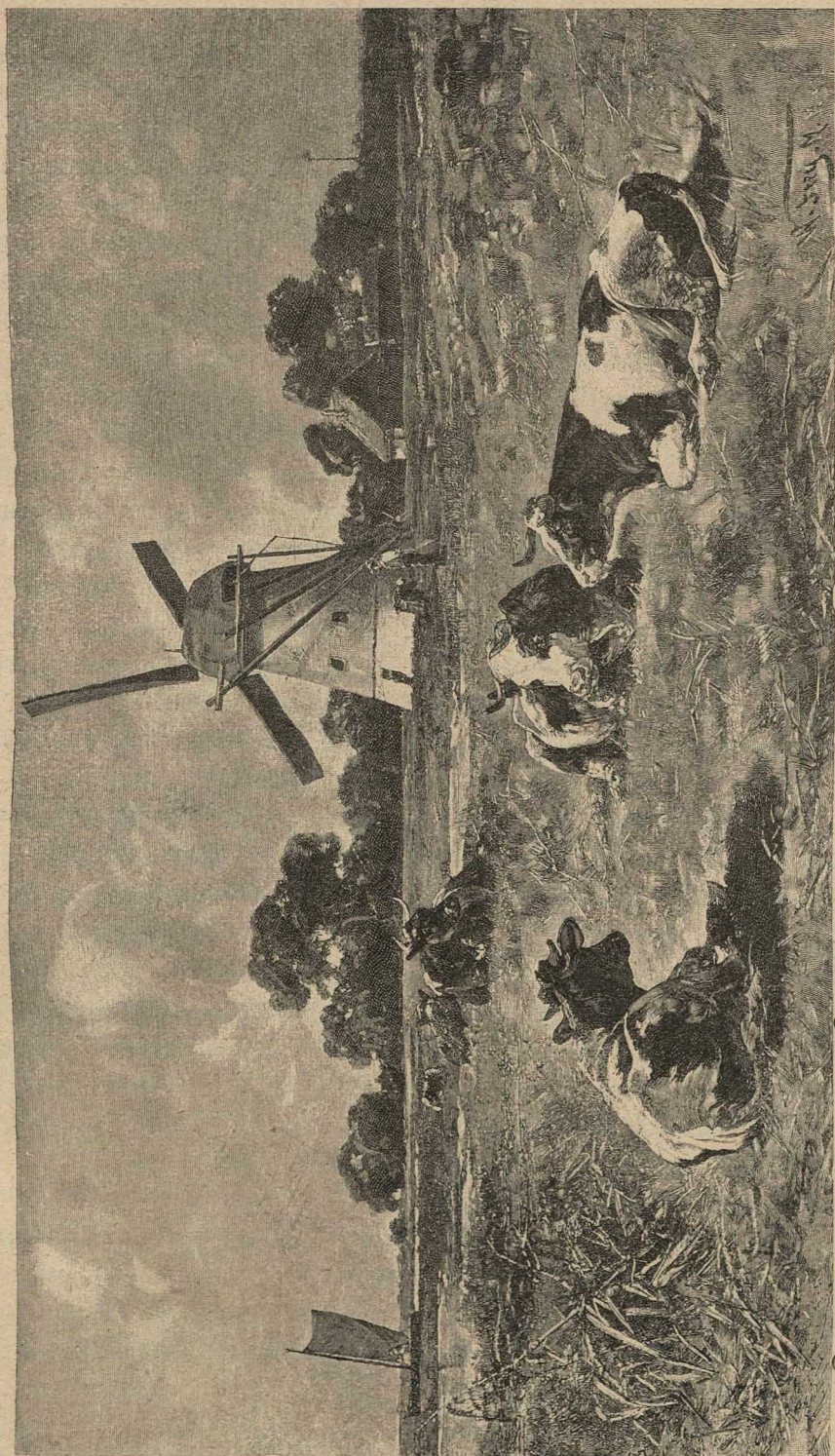
А затѣмъ я лишился чувствъ. Когда я пришелъ потомъ въ себя, то увидалъ себя на песчаномъ берегу. Около меня шумѣли волны, вдаль хмурились горы и виднѣлись какіе-то дома и сады, и я понялъ тогда, что меня выбросило волнами на берегъ. Но я весь былъ мокръ и озябъ, силы оставили меня и я вновь впалъ въ забытье.

— Папа, посмотри сюда, какая птичка! вдругъ услышалъ я надъ собой чей-то дѣтскій голосъ.

Я открылъ глаза. Около меня стояла дѣвочка лѣтъ девяти и невдалекѣ отъ нея стоялъ какой-то господинъ, который съ серьезнымъ

Неопытная встреча.

Въ полдень.

видомъ разглядывалъ какое-то морское существо, выброшенное на берегъ.

Господинъ подошелъ ко мнѣ и поднялъ меня съ земли.

— Это скворецъ! сказалъ онъ.— Бѣдняжка! Навѣрное, онъ летѣлъ въ теплыя страны и его сбросило вѣтромъ въ воду!

И онъ оглядѣлъ меня со всѣхъ сторонъ.

— Но онъ еще живъ! продолжалъ онъ.— Мы возьмемъ его къ себѣ, отогрѣемъ его и дадимъ ему приютъ!

Дѣвочка нѣжно прижала меня къ своей груди и скоро я увидалъ себя въ небольшой комнатѣ, уставленной книгами и заваленной бумагами. Меня обсушили, отогрѣли у огня и дали поѣсть. Я скоро пришелъ въ себя и съ благодарностью посмотрѣлъ на моихъ спасителей.

— Надо будетъ купить для него клѣтку, сказалъ господинъ.— Онъ уже не въ состояннн летать по воздуху. Ты видишь, Женья,—у него вывихнуто крыло! Вѣроятно, его ударило по крылу волной!

Я хотѣлъ двинуть крыломъ и не могъ: оно дѣйствительно оказалось вывихнутымъ. И я горько заплакалъ. Теперь я уже никогда больше не увижу свободы и всю свою жизнь проведу взаперти. Зачѣмъ я не утонулъ въ морѣ, какъ мои товарищи? Зачѣмъ я не умеръ отъ истощенія на берегу!

Меня посадили въ клѣтку и, пока я хворалъ, Женья цѣлые часы просиживала около меня и смотрѣла на меня добрыми, сострадательными глазами.

— Бѣдная птичка! говорила она.

— Скворецъ—это лучшій другъ человека, говорить ей отецъ.— Вотъ погоди, когда ты поближе узнаешь его, ты его полюбишь. Нѣтъ птицы веселѣе его! Онъ настолько уменъ, что о немъ рассказываютъ цѣлыя исторіи. Только двухъ птицъ и можно выучить говорить по человѣчьи—это попугая и скворца.

— Даже говорить по человѣчьи? удивилась Женья.

— Да, и я расскажу тебѣ объ этомъ цѣлыя исторіи.

И онъ рассказывалъ ей, какъ у садовника былъ скворецъ, который умѣлъ говорить, и какъ этотъ скворецъ, когда его украли и спрятали къ себѣ въ карманъ какой-то мальчикъ Фрицъ, на вопросъ вернушагося садовника: „Скворушка, гдѣ ты?“ вдругъ отвѣтилъ изъ кармана мальчика:—„Я здѣсь, я здѣсь!“, чѣмъ и выдалъ маленькаго Фрица. Она весело смѣялась, слушая подобныя исторіи, и ей хотѣлось, чтобы говорилъ тоже и я и чтобы она могла со мной разговаривать, какъ съ человѣкомъ.

-- Что-же, это легко сдѣлать! отвѣтилъ ей отецъ.

Они жили только вдвоемъ. Отецъ Женьи былъ вдовъ, она была си-

рота и они проводили, какъ мнѣ казалось, скучные дни. Онъ былъ ученый, цѣлые дни проводилъ за книгами и за писаніемъ, ловилъ въ морѣ какихъ-то прозрачныхъ животныхъ и разсматривалъ ихъ въ микроскопъ, а она все время была около него, то у моря, то въ домѣ,—и оба они по цѣлымъ днямъ молчали. Ихъ всегда можно было видѣть вдвоемъ. Не смотря на свои еще юные годы, Женья уже серьезно относилась къ жизни, завѣдывала бѣльемъ своего отца и своимъ и много шила. Повидимому, дѣтскія радости не касались ея. Она никогда не играла въ куклы, не имѣла игрушекъ, у нея не было подругъ и со смертью матери ея жизнь сложилась такъ, что она все время должна была быть при отцѣ. Грустная, безмолвная, покорная, она вдругъ какъ-то вся преобразилась, когда въ ихъ домѣ появился я. Пока былъ занятъ ея отецъ, она разговаривала потихоньку со мной, говорила мнѣ ласковыя слова, ухаживала за мной и я понялъ, что я сталъ для нея живой игрушкой и даже больше—замѣнилъ ей собою брата или сестру.

— Вотъ если-бы ты умѣлъ говорить! часто вздыхала она.—Тогда ты могъ-бы мнѣ отвѣчать.

— Онъ скоро будетъ говорить! какъ-то сказалъ ей отецъ и, поставивъ мнѣ въ клѣтку зеркало, спрятался за занавѣску и крикнулъ:—„Здравствуй, скворушка!“

Я увидалъ въ зеркалѣ самого себя, подумалъ, что это былъ въ клѣткѣ другой скворецъ, который говорилъ мнѣ „здравствуй“ и сердце мое забилося радостно. Неужели я буду теперь не одинъ? И я въ восторгѣ повторилъ то, что онъ мнѣ сказалъ.—„Здравствуй, скворушка!“ отвѣтилъ я ему.

Тогда хозяинъ продолжалъ:— „Какъ поживаешь?“ И я отвѣтилъ:— „Какъ поживаешь?“—„Караулъ, грабятъ, спасите!“ крикнулъ онъ.— И я тоже отвѣтилъ:—„Караулъ, грабятъ, спасите!“

Съ этого дня я сталъ учиться говорить. Черезъ двѣ недѣли я болталъ уже, какъ человѣкъ, конечно, не понимая самъ того, что я говорилъ, но это приводило Женю въ восторгъ. Теперь уже она больше не молчала. Цѣлые дни она щебетала, какъ птичка, задавала мнѣ вопросы, на которые я отвѣчалъ ей то, что заучилъ,—и ей казалось, что я былъ человѣкомъ и понималъ ее. Но я понималъ только одно: это то, что привязался къ ней и полюбилъ ее отъ всей своей птичьей души. Мнѣ казалось, что я не разстанусь съ ней никогда.

А тѣмъ временемъ наступила зима. Пошли проливные дожди, стало холодно, все время горы хмурились и прятали свои вершины въ облакахъ. Море громадными гребнями взбѣгало на берегъ. Стало рано темнѣть и поздно разсвѣтать. Мой хозяинъ еще больше

углубился въ свою науку и Женю уже рѣдко тянуло на воздухъ. Взявъ какое-нибудь шитье, она присаживалась къ отцу и принималась за работу. Я тоже былъ около нихъ. Женя ставила мою клѣтку на столъ и отворяла дверцу. Я выскакивалъ на волю, вспрыгивалъ на клѣтку и начиналъ съ профессоромъ разговоръ.

— Здравствуй! Здравствуй! кричалъ я ему. — Какъ поживаешь? Мое вамъ почтеніе!

Это приводило Женю въ неопределенный восторгъ. Она клала на колѣни свое шитье и вступала въ разговоръ со мною сама. Ея отецъ отрывался отъ своихъ книгъ и тоже улыбался.

Однажды ночью я едва не погибъ. Я услышалъ во снѣ какой-то странный шорохъ и проснулся. Сквозь прутья своей тюрьмы я увидѣлъ какія-то двѣ свѣтящіяся точки и, приглядѣвшись, понялъ, что это была кошка съ сосѣдняго двора. Она забралась къ намъ въ комнату, вспрыгнула на подоконникъ, на которомъ я ночевалъ, и уже просунула ко мнѣ сквозь прутья свою страшную лапу съ острыми когтями. Я понялъ, что пришелъ мой конецъ. Сердце во мнѣ похолодѣло отъ страха. Еще мгновенье — и кошка вонзится въ меня свои когти и, сломавши прутья, вытащитъ меня изъ клѣтки и съѣстъ.

И не помня себя отъ ужаса, я

собралъ всѣ свои силы и, что было духа, закричалъ: —

— „Караулъ! Грабятъ! Спасите!“

На мой крикъ проснулась Женя. Сбросивъ съ себя одѣяло, она подбѣжала ко мнѣ, протнала кошку и я остался живъ. Долго еще потомъ я все никакъ не могъ придти въ себя и она сидѣла около меня въ своей коротенькой, какъ у мальчика, рубашкѣ и все повторяла:—

-- Бѣдный скворушка!.. Тебя напугали!.. Успокойся!..

Затѣмъ настала ранняя Крымская весна. Зазеленѣли деревья, зацвѣли миндаль и гранатъ и море стало спокойнымъ, какъ зеркало. Изъ своей клѣтки я видѣлъ, какъ черезъ Крымъ тянулись въ Россію изъ теплыхъ краевъ вереницы гусей и стайки скворцовъ и мое сердце трепетало во мнѣ и мнѣ хотѣлось опять свободы, хотѣлось летѣть вмѣстѣ съ ними туда, далеко на сѣверъ, гдѣ теперь еще лежитъ снѣгъ, но гдѣ тоже скоро начнется весна, болѣе прекрасная, чѣмъ гдѣ-нибудь на свѣтѣ. И всякій разъ, какъ подходила ко мнѣ Женя, мнѣ хотѣлось ей сказать: — Отпусти меня на волю! Позволь мнѣ улетѣть!

Мнѣ было жаль разставаться съ нею, но я былъ птицей, Господь сотворилъ меня для воздуха и свободы и иначе быть не могло. Я тяготился своей неволей. Вывихъ моего крыла оказался простымъ

ушибомъ, я уже свободно леталъ по комнатѣ и это еще болѣе тянуло меня на волю.

— Отпустите меня! говорилъ я ей по птичьи.

Она не понимала моего языка, но по тому, какъ часто она поглядывала на цвѣтуція деревья и на рѣзвившихся на свободѣ птицъ, а потомъ на меня, я чувствовалъ, что она мучилась за меня, но что въ то-же время и не хотѣла со мной разстаться.

— Если ты улетишь, сказала она мнѣ однажды,—то мнѣ будетъ безъ тебя такъ скучно-скучно!..

Но дѣло рѣшилось само собой. Вскорѣ ея отецъ получилъ откуда-то письмо и засбирался въ дорогу. Онъ уложилъ всѣ свои книги и рукописи въ ящики и куда-то ихъ отправилъ.

— Я уѣзжаю на два года за границу, сказалъ онъ Женѣ.—Меня приглашаютъ принять участіе въ экспедиціи, отправляющейся для изслѣдованія животнаго міра у береговъ Гвинеи. Я далъ уже согласіе и скоро отправляюсь въ дорогу.

Женя нахмурилась, но не заплакала и не запрыгала отъ радости.

— Я тоже поѣду съ тобой? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ,—ты отправишься къ тетѣ въ усадьбу, въ Тульскую губернію. Я уже написалъ ей объ этомъ. Тамъ ты проживешь до тѣхъ поръ, пока я не вернусь въ Россію.

Лицо ея вспыхнуло.

— А какъ-же я повезу туда скворушку? спросила она.

— Мы выпустимъ его на волю, отвѣтилъ ей отецъ.—Сейчасъ весна и грѣшно держать птицу въ клѣткѣ!

На этотъ разъ она горько заплакала. Цѣлый день затѣмъ она провела около меня, глубоко вздыхала, а на другой день отецъ уже собралъ ее въ далекій путь. Передъ отъѣздомъ на пароходъ, они вынесли меня въ садъ. Боже мой, какой полной грудью я вдохнулъ въ себя свѣжій воздухъ, съ какой невыразимой радостью я взглянулъ на зеленые деревья и на высокое, голубое небо!

Женя отворила въ клѣткѣ дверцу, привязала къ моей ногѣ голубенькую ленточку и поставила клѣтку на землю.

— Лети съ Богомъ! сказала она.

Я выпрыгнулъ изъ клѣтки и боязливо оглядѣлся по сторонамъ. Для меня еще было ново чувство свободы. Затѣмъ, убѣдившись, что я еще могу летать, я радостно свистнулъ, широко взмахнулъ крыльями и перелетѣлъ на большое дерево, стоявшее въ саду. Я все еще не вѣрилъ въ свои силы.

— Ну, а теперь поѣдемъ, Женя, и мы! сказалъ мой хозяинъ.—Я провожу тебя до Севастополя, а затѣмъ ты поѣдешь къ тетѣ уже одна, а я отправлюсь своей дорогой.

Съ своего дерева я видѣлъ, какъ

взявшись за руки, они отправились на пароходъ. Моя клѣтка осталась лежать въ саду одна.

— Прощайте! Прощайте! закричалъ я имъ.—Спасибо вамъ за все!

Затѣмъ пароходъ выпустилъ клубы чернаго дыма, загудѣлъ и отчалилъ отъ берега. Я перелетѣлъ на другое дерево, съ него на третье и, убѣдившись, что я еще не разучился летать, помчался въ дорожную Россію.

Вотъ опять степи, Малороссія, Бѣлгородъ, Курскъ, Орелъ, а вотъ наконецъ и моя родина—Тульская губернія. Все покрыто снѣгомъ, но уже прилетѣли грачи и мои братья-скворцы и снова въ воздухѣ вѣетъ радостью жизни и дыханіемъ приближающейся, прекрасной весны. Вотъ и та усадьба, въ которой въ прошломъ году я воспитывалъ своихъ дѣтей. Въ ней не измѣнилось ничего: все какъ было, такъ и осталось теперь. Вотъ и тотъ самый скворешникъ, въ которомъ я вывелъ птенцовъ. Я подлетѣлъ къ нему и заглянулъ въ него внутрь... Сердце забилось во мнѣ отъ воспоминаній.

— Батюшки, кто это?! вдругъ послышался голосъ со дна скворешника.—Неужели это ты?

Я приглядѣлся и увидѣлъ, что тамъ сидѣла скворчиха.

— Да неужели же это ты? повторила она. Какими судьбами?

Изъ скворешника выскочила такая-же птичка, какъ и я, и я уз-

налъ въ ней мою собственную супругу. Боже мой, что это была за радость! Мы не знали, какъ взглянуть другъ на дружку и какъ радоваться нашему счастью. А когда миновалъ первый острый приступъ радости, то мы стали рассказывать о нашихъ похожденияхъ. Она рассказала мнѣ, что провела зиму въ Египтѣ, куда насилу добралась въ прошломъ сентябрѣ въ числѣ немногихъ, не упавшихъ въ воду скворцовъ, а я сообщилъ ей все, что уже знаетъ читатель обо мнѣ. А затѣмъ мы радостно оба запѣли и принялись устраивать наше гнѣздо.

Два дня спустя, кучеръ Никита запрягъ въ сани лошадей и поѣхалъ за кѣмъ-то на станцію. Проходя мимо нашего скворешника и замѣтивъ меня, онъ осклабился и по обыкновенію сказалъ:—

— Уже прилетѣлъ? Ахъ, ты птичка обезьяна!.

Часа черезъ два онъ вернулся со станціи и привезъ съ собою какую-то дѣвочку. Когда она вылезла изъ саней, то къ ней на крыльцо вышла сама помѣщица, хозяйка нашей усадьбы, и ласково поцѣловала ее въ обѣ щеки.

— Ну, здравствуй, Женя! сказала она.—Твой папа писалъ мнѣ, что ты будешь жить у меня!

При словѣ „Женя“ я вздрогнулъ и поглядѣлъ на дѣвочку. Да, это была она, моя милая добрая Женя, которая такъ заботилась обо

мнѣ и которой такъ не хотѣлось со мной разстаться въ Крыму! Но она не узнала меня и только робко и недовѣрчиво оглядывалась по сторонамъ. Къ тому-же она устала съ дороги.

— Здравствуй! Здравствуй! закричалъ я ей по-человѣчи со своей скворешни. — Какъ поживаешь? Мое тебѣ почтеніе!

Она обернулась, посмотрѣла въ мою сторону и лицо ея просіяло.

— Такой-же точно скворушка былъ и у меня въ Крыму!.. сказала она своей тетѣ и отправилась съ нею въ домъ.

Въ этотъ вечеръ я долго не могъ заснуть. Было что-то странное и удивительное въ томъ, что судьбѣ было угодно такъ неожиданно всѣхъ насъ соединить, и я сталъ

поджидать радостнаго утра, когда увижу Женю вновь.

И это утро наступило. Веселая, розовенькая, отдохнувшая съ дороги, она выбѣжала къ намъ на дворъ и долго стояла и смотрѣла на насъ и слушала, какъ я распѣвалъ свои пѣсни и передразнивалъ животныхъ и людей.

— Здравствуй! Здравствуй! кричалъ я ей.

— Здравствуй, Скворушка! отвѣтила мнѣ она. — Теперь я вижу, что ты мой. Вотъ и моя ленточка у тебя на ногѣ!.. Но какъ же ты узналъ, что я приѣду именно сюда?

На этотъ вопросъ я не могъ ей отвѣтить, да не могъ-бы отвѣтить ей на него и никто. Я только былъ радъ, что она узнала меня и что теперь я буду видаться съ ней каждый день.

С Вершининъ.

ПОРА УЖЪ!..

Пора ужъ!.. Скорѣй-бы зима миновала,
Скорѣй-бы утихли вѣтры и метели,
Скорѣ сошло-бы снѣговъ покрывало
На голыхъ поляхъ... И чтобъ птички запѣли...
Мнѣ хочется въ лѣсъ, гдѣ березокъ верхушки
Таинственно шепчуть, склонившись другъ къ другу,
Гдѣ зайка косой, отдохнувъ на опушкѣ,
Вдругъ мчится стрѣлой по зеленому лугу;
Гдѣ бабочекъ рой надъ цвѣточками вьется,
А звонкій ручей такъ безпечно болтаетъ,
И солнышко съ неба глядитъ и смѣется,
А тучка всплыветъ и тотчасъ-же растаетъ...

А. И.

Часъ обѣда.

Проказники.

ДВѢ СИРОТКИ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

На самой вершинѣ Альпійскихъ горъ, тамъ, гдѣ лѣто бываетъ такъ коротко, что овецъ выгоняютъ пастись только въ іюнѣ, стоитъ старинный монастырь святого Бернара, — иначе Сень-Бернарскій монастырь. Онъ находится какъ разъ на срединѣ пути изъ Люцерна въ Миланъ и тѣ, кто въ бывшее время отправлялся въ Италію черезъ Сень-Готардскій проходъ, ночевали въ этомъ Сень-Бернарскомъ монастырѣ. Кругомъ монастыря ходятъ облака, часто идутъ дожди, а въ грозу или въ снѣжную метель, кругомъ него бываетъ страшно и дико. Громъ гремитъ такъ, что сваливаются скалы съ горъ и съ шумомъ срываются внизъ, въ далекія пропасти, загромождая все на своемъ пути. А когда наступаетъ зима и кругомъ поднимается метель, то человѣкъ уже не можетъ добраться до монастыря: дороги къ нему становятся непроходимыми и тѣ, кто рискнулъ, погибаютъ или безслѣдно пропадають подъ снѣгами.

И монахи собираются въ такую погоду у себя въ церкви, зажигаютъ свѣчи и начинаютъ молиться. А затѣмъ, когда метель становится сильнѣе, они начинаютъ звонить въ самый большой колоколъ, чтобы

путники слышали ихъ звонъ и шли къ нимъ скорѣе. Когда-же метель немного поутихнетъ, они зажигаютъ фонари, берутъ съ собою своихъ собакъ и идутъ съ ними на поиски. Собаки бѣгутъ впереди, обнюхиваютъ каждый шагъ, лаютъ и, остановившись затѣмъ на одномъ мѣстѣ, начинаютъ лапами раскапывать снѣгъ. Монахи помогаютъ имъ и вскорѣ на томъ мѣстѣ находятъ глубоко подъ снѣгомъ человѣка. Онъ полузамерзъ, ничего не чувствуетъ и ничего не сознаетъ. Они кладутъ его на носилки и несутъ къ себѣ въ монастырь. Здѣсь они отогрѣваютъ его, даютъ ему поѣсть, и снова отправляются на поиски съ собаками.

И такъ они поступаютъ каждый годъ, каждую зиму, каждую метель, и нѣтъ числа тѣмъ несчастнымъ путникамъ, которыхъ отыскиали подъ снѣгомъ ихъ собаки.

Такъ было и въ эту метель, когда фрау-Луиза съ двумя дѣтьми шла съ неизвѣстнымъ монахомъ черезъ Сень-Готардскій проходъ.

— Бенедиктъ! обратился настоятель монастыря къ ключарю.— Въ которомъ часу сегодня долженъ пріѣхать почтовый экипажъ изъ Люцерна?

— Около восьми часовъ вечера, святой отецъ, отвѣтилъ Бенедиктъ. — Сейчасъ уже семь и если дилижансъ не пріѣдетъ черезъ часъ, то это значить, что онъ задержался въ дорогѣ. Вѣтеръ такъ и реветъ, такъ и мечетъ, отъ снѣга не видно ничего кругомъ на вершокъ и я боюсь за тѣхъ пассажировъ, которыхъ непогода застала въ пути. Да поможетъ имъ Богъ!

— Аминь! Погода дѣйствительно плоха, Бенедиктъ. Не начать-ли намъ звонить?

— Я такъ полагаю, святой отецъ, что часъ еще можно подождать, а если дилижансъ не пріѣдетъ черезъ часъ, то я прикажу Августину ударять.

— Ну, а что наши собаки?

— Воютъ, святой отецъ. А вѣдь вашему преподобию извѣстно, что значить, когда наши собаки начинаютъ выть.

Настоятель сложилъ руки ладонями вмѣстѣ и поднялъ кверху глаза.

— Да будетъ воля Господня, сказалъ онъ. — Сегодня ночью быть бѣдѣ. А что нашъ Мистраль?

— Умная собака молчитъ, святой отецъ, — отвѣтилъ Бенедиктъ, — но достаточно взглянуть на ея печальные и вмѣстѣ съ тѣмъ безпокойные глаза, чтобы понять, въ чемъ дѣло: и Мистраль предчувствуетъ метель! За всѣ эти годы, пока онъ у насъ, я не видалъ его болѣе печальнымъ, чѣмъ сегодня.

— Не давать собакамъ ѣсть, Бенедиктъ, и имѣть на готовѣ фонарь!

— Слушаю, святой отецъ!

И низко поклонившись, Бенедиктъ вышелъ изъ кельи настоятеля.

Буря уже ревѣла и ей вторили съ задняго двора собаки. Монахи мрачными тѣнями переходили одинъ къ другому и съ безпокойствомъ спрашивали другъ у друга, не слышно-ли еще чего о дилижансѣ?

А въ дилижансѣ, который они ожидали, сидѣли бабушка Наталья Кирилловна и Костя и переносили всѣ ужасы застигшей ихъ въ горахъ непогоды. Они оба молились Богу, крестились и безпокойными глазами вглядывались въ темнату. Имъ казалось, что ихъ страдальческому пути никогда не будетъ конца и что они собьются съ пути и вмѣстѣ съ дилижансомъ и лошадьми свалятся въ глубокую пропасть.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой... повторяла бабушка. — Зачѣмъ мы поѣхали въ такую погоду?.. Намъ бы переждать въ Люцернѣ и дожидаться тамъ хорошихъ дней! Заступи и помилуй, Царица Небесная!

Испытавшій на своемъ вѣку кораблекрушеніе, Костя тоже начиналъ падать духомъ и не вѣрить въ себя.

— Ничего, бабушка, дождемъ!..

старался онъ ободрить Наталью Кирилловну.—Ты не безпокойся!.. Вѣдь здѣсь не море!

Но бабушкѣ было страшно и она только крестилась, да и Костя утѣшалъ ее только затѣмъ, чтобы скрыть отъ нея свои собственныя сомнѣнія и страхъ.

А тѣмъ временемъ въ монастырѣ шли приготовленія ко встрѣчѣ запоздавашаго дилижанса.

— Который часъ?

— Половина восьмого, святой отецъ!

— Неслышно-ли, гдѣ дилижансъ изъ Люцерна? Не слыхаль-ли кто-нибудь трубу Лоренцо?

— Нѣтъ, не слыхаль...

И опять томительные полчаса, полные безпокойства.

— Который часъ?

— Уже восемь, святой отецъ.

— Ну, что дилижансъ изъ Люцерна? Еще не слышно его трубы?

— Его еще нѣтъ, святой отецъ...

Настоятель опять складываетъ руки ладонями вмѣстѣ и тихо шепчетъ молитву.

— Прикажи, Бенедиктъ, звонить... говоритъ онъ. — Бѣдные путники потеряли дорогу... Да поможетъ имъ Богъ!

— Аминь! отвѣчаетъ Бенедиктъ и выходитъ изъ кельи.

И вслѣдъ затѣмъ начинается звонить колоколь. Вѣтеръ разноситъ его удары далеко вокругъ и эхо отвѣчаетъ на нихъ въ пропастяхъ

и долинахъ. Звучамъ колокола вторить вой собакъ.

— Быть бѣдѣ!.. говорятъ монахи.—Быть бѣдѣ!

А большой Сень-бернарскій песъ Мистраль лежитъ въ углу и, положивъ морду на переднія лапы, тяжело вздыхаетъ и иногда жалобно скулить. Отъ тоже чувствуетъ снѣжную бурю и тоже предчувствуетъ бѣду.

Онъ спасъ уже десятки путниковъ, онъ откопалъ въ снѣгу уже два дилижанса вмѣстѣ съ пассажирами и лошадьми и нѣсколько уже разъ находилъ подъ снѣгомъ маленькихъ дѣтей, которыхъ приносилъ въ монастырь у себя на спинѣ.

Мистраль опытенъ и ему нельзя не вѣрить.

Быть бѣдѣ!

— Который часъ?

— Уже девять, святой отецъ. Колоколь звонитъ уже цѣлый часъ, но рожка Лоренцо еще не слышно.

— Спустить собакъ.

Монахи бѣгутъ къ собакамъ, привѣшиваютъ имъ на ошейники по бутылкѣ вина, чтобы тотъ, кого онѣ найдутъ, могъ обогрѣть свое иззябшее тѣло, и выпускаютъ ихъ изъ собачника. Съ громкимъ воемъ онѣ выбѣгаютъ изъ воротъ монастыря и скоро исчезаютъ въ ночной темнотѣ. Вой ихъ скоро стихаетъ подъ ревомъ непогоды и только иногда съ далекихъ горъ доносится ихъ громкій лай.

Онѣ лаютъ. Онѣ зовутъ путника. Онѣ ищутъ его по слѣдамъ.

Ихъ шесть большихъ собакъ. Всѣ онѣ умѣютъ отыскивать людей и подавать имъ помощь. И всѣ онѣ убѣжали.

Одинъ только Мистраль остался дома! Онъ по прежнему лежитъ въ углу и, положивъ морду на переднія лапы, по прежнему тяжело вздыхаетъ и жалобно скулить.

— Мистраль беспокоится, говорятъ монахи, — онъ чувствуетъ бѣду. Вамъ придется не спать всю ночь. Приготовьте-же длинную веревку и фонари! Мы привяжемъ себя веревкой другъ къ другу, чтобы не сорваться кому-нибудь изъ насъ со скалы и не упасть въ пропасть, а фонарями будемъ освѣщать себѣ путь. Мистраль будетъ указывать намъ дорогу. Да поможетъ намъ Богъ!

— Аминь!.. отвѣчаютъ другіе монахи и начинаютъ готовить веревку и фонари.

Но чу! что это слышно? Что это за звукъ? Это Лоренцо трубитъ въ свой рожокъ.

Почти у самыхъ монастырскихъ воротъ радостно лаютъ собаки, фыркаютъ лошади и играетъ въ рожокъ Лоренцо. Дилижансъ изъ Люцерна доѣхалъ до монастыря.

Монахи, чего-же вы стоите въ изумленіи, отчего не бѣжите на встрѣчу Лоренцо, отчего не спѣшите отворить ему ворота?

И, оправившись отъ удивленія,

они бѣгутъ къ дилижансу навстрѣчу и отворяютъ передъ нимъ ворота. Лоренцо вѣзжаетъ въ монастырскій дворъ и весело играетъ на рожкѣ. Дилижансъ весь облѣпленъ снѣгомъ, его колеса обледенѣли, мазь на осяхъ застыла и колеса уже не вертятся и ползутъ по снѣгу, какъ полозья. Бѣдныя лошади едва стоятъ на ногахъ и отъ нихъ поднимается густой паръ. Они также всѣ въ снѣгу и едва дотащили дилижансъ. Пассажиры вылѣзаютъ изъ кареты, бросаются другъ къ другу въ объятія и благодарятъ монаховъ за собакъ. А онѣ стоятъ тутъ-же, радостно лаютъ и виляютъ хвостами.

— Мы совсѣмъ уже сбились съ пути, говоритъ Лоренцо, — и еслибы вы не выслали собакъ, то мы такъ-бы и не нашли дорогу.

— Мы совсѣмъ уже приготовились умирать, говорятъ пассажиры, — но ваши собаки отыскали насъ и помогли намъ сюда добраться. Да хранить васъ Богъ! Наши жены и дѣти ожидаютъ насъ въ Италіи и беспокоятся о насъ. Теперь уже мы доѣдемъ благополучно.

И они начинаютъ ласкать собакъ.

Изъ кареты радостно вылѣзаютъ старушка и съ ней мальчикъ тринадцати лѣтъ. Это бабушка Наталія Кирилловна и ея внучекъ Костя. Бабушка крестится и говоритъ:

— Слава Богу! Теперь мы у людей!

И всѣ отправляются въ странно-пріимную комнату и располагаются тамъ на ночлегъ.

— Который часъ?

— Уже десять, святой отецъ.

— Обогрѣйте путниковъ и дайте имъ поѣсть.

— Все уже сдѣлано, святой отецъ.

— Спросите у Лоренцо, былъ-ли кто-нибудь сзади него и не обогналъ-ли онъ кого-нибудь по дорогѣ впереди?

— Мы уже спрашивали его, святой отецъ. Онъ говоритъ, что раньше его, еще занѣскольکو часовъ, вышли изъ Люцерна какаѣ-то женщина съ двумя дѣтьми и съ нею неизвѣстный, итальянскій монахъ. Но они давно уже должны были-бы быть здѣсь. Вѣроятно, они еще до бури успѣли перевалить черезъ хребетъ и теперь уже приближаются къ Милану и въ безопасности. Лоренцо говоритъ, что послѣ него изъ Люцерна не долженъ былъ ѣхать никто и что онъ по дорогѣ не обгонялъ никого.

— Въ такомъ случаѣ закройте собаку и пусть Августинъ перестанетъ звонить.

— Аминь!

И собаки были опять посажены въ собачникъ и колоколь пересталъ звонить. Это было въ тотъ самый моментъ, когда монахъ отправлялся съ Маргаритой отыскивать дорогу и оставилъ фрау-Луизу съ Кетти однѣхъ.

Теперь ты погибнешь, неизвѣстный, итальянскій монахъ! Теперь собаки заперты, колоколь пересталъ звонить и всѣ обитатели монастыря разошлись уже на покой! Кто тебя спасетъ?

Только одинъ Мистраль не спитъ. Онъ волнуется, вскакиваетъ съ мѣста, вновь ложится въ свой уголь, скулить и часто долго-долго нюхаетъ воздухъ. Онъ что-то чувствуетъ.

— Уймись, Мистраль! говорить ему спросонья монахъ.—Ты мѣшаешь мнѣ спать!

Но Мистраль становится все безпокойнѣе. Онъ начинаетъ уже визжать и безпокойно бѣгать по комнатѣ. Онъ останаавливается передъ запертой дверью, обнюхиваетъ ее и громко царапаетъ ее когтями. Уймись, Мистраль, вѣдь дилижансъ уже пріѣхалъ и всѣ пассажиры на лицо! Бабушка и Костя уже спятъ мирнымъ сномъ и имъ снится далекая Россія!

Но Мистраль не хочетъ униматься. Вѣтеръ становится все сильнѣе и сильнѣе, вьюга еще злѣе потрясаетъ крышами монастыря и стону непогоды начинаетъ вторить и собака. Мистраль начинаетъ вить.

Тукъ-тукъ-тукъ!

— Кто тамъ?

— Это я, святой отецъ.

— Чего тебѣ, Бенедиктъ?

— Мистраль началъ уже вить, святой отецъ. Онъ не успокаивал-

ся всю ночь. Какъ съ нимъ поступить?

Настоятель поднялся съ жесткой постели, всунулъ ноги въ сандалии и поправилъ на лампадкѣ огонекъ.

Мистраль сталъ уже выть? переспросилъ онъ.—Ты говоришь, что онъ уже воетъ?

— Да, святой отецъ, отвѣтилъ Бенедиктъ.— Мнѣ кажется, что онъ что-то чувствуетъ.

— А какъ другія собаки?

— Другія собаки молчатъ.

— Въ такомъ случаѣ выпусти Мистралья одного. Пусть онъ пробѣжится одинъ, убѣдитесь, что въ горахъ никого нѣтъ, и возвратится обратно.

— Слушаю, святой отецъ.

И Бенедиктъ отправился къ Мистрально, прицѣпилъ ему на шею корзиночку съ хлѣбомъ и виномъ и повелъ его къ выходу изъ монастыря. Мистраль прыгалъ отъ радости, какъ маленькій щенокъ, лизалъ Бенедикту руки и весело визжалъ.

— Кто идетъ?!

— Это я, Ксаверій, — ключарь Бенедиктъ. Отвори калитку, меня нечего бояться. Я—свой.

— Чего тебѣ нужно?

— Я долженъ сейчасъ выпустить Мистралья. Онъ просится въ горы. Если онъ кого-нибудь найдетъ, то ты прибѣги ко мнѣ и дай мнѣ знать.

Желѣзные запоры на калиткѣ

заскрипѣли и Ксаверій съ трудомъ отворилъ калитку, которую чуть не на треть занесло снѣгомъ съ обѣихъ сторонъ.

Мистраль взвизгнулъ, выскочилъ на волю и исчезъ во мракѣ ночи.

А вѣтеръ становился все сильнѣе и изъ-за снѣга уже не видно было свѣта фонаря.

— Эхъ-хе-хе-хе! зѣвнулъ Бенедиктъ, снова укладываясь на голыя доски спать.—Что-то будетъ, что-то будетъ?..

.....

— Звоните во всѣ колокола! Разжигайте вездѣ костры! Возьмитесь всѣ за длинную веревку и идите въ горы искать! Мистраль вернулся и принесъ на своей спинѣ ребенка. Онъ принесъ въ монастырь Кетти. Онъ сбросилъ ее прямо на снѣгъ и снова помчался въ горы!

Монахи хлопчутъ около Кетти, оттираютъ ее, даютъ ей теплаго молока. Она открываетъ глаза и по-русски зоветъ свою мать.

— Мама! Мама! кричитъ она.—Гдѣ ты? Гдѣ Маргарита?

Скорѣе, монахи! Тамъ въ снѣгу лежитъ фрау-Луиза!

Они берутся за длинную веревку и оцупью идутъ изъ монастыря. Передъ ними темно, позади ихъ тоже темно и дикія горы обступили ихъ со всѣхъ сторонъ. Вмѣстѣ съ вѣтромъ до нихъ долетаютъ звуки монастырскихъ колоколовъ, а гдѣ-то далеко внизу громко лаетъ Мистраль.

Изъ туннеля въ туннель.

Вечеръ въ окрестностяхъ Рима, въ Итали.

Гдѣ ты, Мистраль? Что ты тамъ нашель?

Монахи спускаются осторожно къ Мистралю, направляютъ на него фонарь и видятъ, что тамъ что-то лежитъ и что это что-то онъ обливаетъ.

Что это? Что лижетъ Мистраль?

Это женское лицо, которое онъ откопалъ изъ-подъ снѣга. Онъ лаетъ и въ то-же время старается откопать его лапами пошире.

Монахи помогаютъ ему и скоро выкапываютъ изъ-подъ снѣга женщину. Она уже холодная.

— Женщина, говорятъ ей монахи.—Твоя дѣвочка уже спасена, она уже въ монастырѣ и зоветъ свою мать. Ее спасетъ Мистраль!

Но она ихъ не слышитъ и не услышитъ ихъ больше уже никогда.

Монахи кладутъ ее на носилки и несутъ ее въ монастырь. Одинъ за другимъ, по узкой тропинкѣ, они выбираютъ изъ пропасти и, держась за веревку, чтобы не сорваться и не упасть, выходятъ въ Сень-Готардскій проходъ. Впереди ихъ шествуетъ Мистраль и, довольный, виляетъ хвостомъ.

Вдругъ Мистраль останавливается и начинаетъ тревожно лаять.

Что это? Пенёкъ или камень, торчащій изъ подъ снѣга?

Нѣтъ, это тоже человѣкъ. Это нецвѣстный итальянскій монахъ. Онъ тоже замерзъ.

Онъ сидитъ въ снѣгу, обнявъ

колѣни и склонивъ голову на грудь, и вѣтеръ засыпаетъ его снѣгомъ. Но снѣгъ уже не таетъ на его лицѣ и рукахъ, потому что монахъ уже замерзъ.

— Какая жалость! говорятъ монахи. Мы уже не можемъ ему помочь!

И всѣ вереницей отправляются въ монастырь.

Утро. Снѣгъ уже не идетъ, но пасмурно и холодно. Лоренцо подмазаль свой экипажъ, запрягъ въ него лошадей и снова весело поигрываетъ на своемъ рожкѣ. Сейчас онъ отправится въ дальнѣйшій путь. Теперь уже ему нечего бояться, онъ будетъ все время спускаться съ горъ и часа черезъ три уже станетъ тепло. Опасности остались позади. Къ полудню онъ вѣдетъ уже въ ту страну, гдѣ никогда не бываетъ суровой зимы и гдѣ вѣчно цвѣтутъ фіалки и зрѣютъ апельсины.

Всѣ пассажиры толпятся вокругъ его дилижанса, спѣшатъ, укладываютъ въ него свои вещи. Спѣшатъ и бабушка Наталія Кирилловна съ Костей. Они поѣдутъ теперь дальше въ Италию. Имъ весело. Пережитыя страданія кажутся имъ ушедшими куда-то далеко и будущее кажется имъ такимъ-же яснымъ, какъ и голубое итальянское небо, которое они увидятъ черезъ три или четыре часа. Сегодня они будутъ уже въ Миланѣ, переночуютъ въ немъ, а съ завтрашняго утра

уже поселяться гдѣ нибудь на морскомъ берегу, среди цвѣтовъ, и будутъ наслаждаться природой.

Все усаживаются въ дилижансъ. Вокругъ стоятъ монахи и провожаютъ ихъ съ ласковыми пожеланіями счастливаго пути. Выходитъ настоятель и осѣняетъ ихъ крестомъ. Тутъ-же ходятъ собаки и помахиваютъ хвостами.

— Все готово?

— Все!

Лоренцо играетъ на трубѣ, щелкаетъ бичемъ и натягиваетъ возжи.

И вдругъ изъ одной изъ дверей монастыря выбѣгаетъ маленькая дѣвочка и бѣжитъ къ дилижансу.

— Мама, мама! кричитъ она.— Зачѣмъ ты уѣзжаешь и оставляешь меня одну?

Это Кетти. Настоятель подходитъ къ ней и беретъ ее за руку.

— Пойдемъ отсюда, дитя мое, говоритъ онъ ей.— Это—чужіе. Твоя мама умерла...

— Какъ умерла? вскрикиваетъ дѣвочка по-русски.— Что-же я буду теперь дѣлать одна?

И закрывши обѣими руками лицо, она начинаетъ горько плакать.

Въ это время бабушка Наталія Кирилловна дѣлаетъ Лоренцо знакъ, тотъ останавливаетъ лошадей и она грузно вылѣзаетъ изъ кареты. Она подходитъ къ настоятелю и обращается къ нему на давно уже позабытомъ ею французскомъ языкѣ:—

— Святой отецъ, говоритъ она.—

Эта дѣвочка теперь сирота... Что вы намѣрены съ ней дѣлать?

Настоятель глубоко вздыхаетъ.

— Мы отдадимъ ее куда-нибудь въ пріютъ... отвѣчаетъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ отдайте ее мнѣ, говоритъ бабушка и слезы показываются у нея на глазахъ.— Я-русская и дѣвочка тоже говоритъ по русски; я буду любить ее, какъ родную дочь!..

Настоятель долго смотритъ бабушкѣ въ самые глаза. А потомъ, убѣдившись, что она дѣйствительно исполнитъ свое обѣщаніе, онъ беретъ Кетти за руку и подводитъ ее къ бабушкѣ.

— Возьмите ее, говоритъ онъ,— и воспитайте ее, какъ дочь. И да благословитъ васъ Господь!

Внѣ себя отъ радости бабушка хватаетъ Кетти на руки, усаживаетъ ее въ дилижансъ, садится сама и отправляется въ дальнѣйшій путь. Звонко хрустя копытами по снѣгу, лошади бѣгутъ дружной рысцой и Лоренцо весело играетъ на трубѣ.

— Прощайте! кричатъ монахи вслѣдъ. — Да хранить васъ Богъ!

— До свиданія! отвѣчаютъ имъ пассажиры и машутъ имъ платками изъ дилижанса. — Спасибо вамъ за гостепрѣимство!

Монахи стоятъ и смотрятъ имъ вслѣдъ. Собаки еще долго бѣгутъ вслѣдъ за экипажемъ, а затѣмъ останавливаются, долго прово-

жають его взглядомъ и степенно возвращаются въ монастырь.

Поворотъ вправо, затѣмъ поворотъ влѣво и маленькій подъемъ — и красныя черепичныя крыши монастыря исчезаютъ въ котловинѣ.

Прощай, монастырь! Прощайте, гостепріемные, добрые монахи!

Дилижансъ спускается все ниже и ниже, вотъ уже кончилась линия снѣговъ и потянулись голыя скалы съ вѣковыми соснами на вершинахъ, вотъ зазеленѣла травка, а вотъ уже стали показываться и зеленыя деревья. Въ лицо дуетъ теплый, ароматный вѣтерокъ и бабушка и Костя не могутъ имъ надышаться. Повеселѣвшая Кетти всю дорогу трещитъ, какъ сорока, на двухъ языкахъ: на нѣмецкомъ и русскомъ, она перемѣшиваетъ ихъ и не знаетъ, какой изъ нихъ для нея родной.

— А это что тамъ виднѣется внизу? спрашиваетъ бабушка соседа, который въ этихъ мѣстахъ бывалъ уже не разъ.

— Это — Ломбардская долина, отвѣчаетъ онъ.— Она теперь вся въ цвѣту. Черезъ два-три часа передъ нами уже потянутся фруктовые сады и заблестятъ прекрасныя озера.

Стали попадаться на встрѣчу веселые итальянцы. Костя смотрѣлъ на ихъ загорѣлыя лица и ему казалось, что онъ попалъ въ рай, гдѣ всегда тепло, и чувство радости наполнило его сердце.

— Тебѣ жарко, мой мальчикъ? обратилась къ нему бабушка.— Дай, я разстегну на тебѣ пальто! Вотъ видишь, въ какую прекрасную страну мы съ тобой заѣхали!

И она разстегнула ему воротъ и ей было пріятно, что ея внучекъ раскраснѣлся отъ тепла.

Ей было весело вдвойнѣ: у нея были теперь внучка и внучекъ. Теперь, когда Костя вырастетъ большой и отправится на службу, ея внучка останется при ней и она не будетъ одинокой.

Вечеръ. Сѣло теплое солнце и на западѣ зажигается пламенная, оранжевая заря. Дуетъ теплый вѣтерокъ и отъ цвѣтущихъ садовъ тянетъ ароматомъ. Апельсинныя деревья уже сбросили съ себя лепестки и они покрываютъ собою шоссе и катятся отъ вѣтерка передъ лошадьми. Затѣмъ заря гаснетъ, спускается темная, тихая ночь и съ неба смотрятъ на людей тысячи яркихъ звѣздъ. Кетти давно уже спитъ на колѣняхъ у бабушки, да и сама она тоже дремлетъ и не слышитъ, какъ дилижансъ вѣзжаетъ уже въ городъ и какъ колеса его стучать по мостовой.

— Тпруу!.. раздается вдругъ голосъ Лоренцо.

Бабушка открываетъ глаза. Горятъ фонари, по улицѣ взадъ и впередъ стремятся прохожіе и откуда-то доносятся звуки оркестра.

Это — Миланъ. Путь конченъ.

Далѣ дилижансъ уже не пойдеть.

Бабушка, Костя и Катя выходятъ изъ кареты и отправляются въ гостинницу. Завтра они будутъ уже у моря.

А тѣмъ временемъ маленькая Маргарита все еще лежитъ подъ снѣгомъ и объ этомъ знаетъ толь-

ко одинъ Мистраль. Онъ уже цѣлые восемь часовъ откапываетъ ее лапами изъ подъ снѣга, онъ лаеетъ, зоветъ къ себѣ монаховъ на помощь, но вѣтеръ разноситъ его лай и они его не слышутъ.

Еще не поздно, Мистраль!! Ко-
пай!!

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Первый слогъ — число, а второй вы найдете въ музыкѣ и въ пѣніи. Все вмѣстѣ — водяное животное. Какое это животное?

II.

Нота и стеклянное ожерелье даютъ собою то, что интересно разгадывать. Что это?

III.

Даны шесть словъ:

- 1) То, что всегда течетъ впередъ.
- 2) То, чему дѣти радуются въ сочельникъ.
- 3) То, что дорого и добывается въ землѣ.
- 4) Вкусная закуска изъ рыбы.
- 5) То, безъ чего нельзя шить.
- 6) То, чѣмъ рѣжутъ стекла.

Взять отъ cadaго изъ этихъ словъ по первой буквѣ и составить изъ этихъ буквъ новое слово, озна-

чающее предметъ, необходимый въ жизни почти cadaго городского жителя. Первый слогъ этого новаго слова — нота, а два вторые — женское имя.

Какой это предметъ?

IV.

Найти шесть словъ, означающихъ:

- 1) Хищную рыбу.
- 2) То, безъ чего нельзя послать по почтѣ письмо.
- 3) То, что бываетъ въ храмѣ.
- 4) То, безъ чего зимой холодно.
- 5) То, около чего зимой тепло.
- 6) То мѣсто, гдѣ тепло и безъ словъ 4-го и 5-го въ этой головоломкѣ.

Изъ cadaго изъ этихъ словъ взять по второй буквѣ и составить изъ нихъ названіе русскаго губернскаго города. При этомъ: первый слогъ этого названія есть въ рѣкѣ Ока, а два вторые по берегамъ этой

рѣки. Да и самый городъ стоитъ на Окѣ.

Какой это городъ?

V.

За столомъ сидѣли двѣ матери, двѣ дочери, бабушка и внучка. У нихъ было всего три яйца. Онѣ сварили ихъ и когда стали дѣлить ихъ между собою, то оказалось, что каждая получила по цѣлому яйцу. Какъ это могло случиться?

VI.

Какая разница между слономъ и картиной?

VII.

Годъ имѣетъ 12 мѣсяцевъ, 52 недѣли и 365 дней. Какъ вотъ именно это написать тремя буквами?

VIII.

Какое полотно нельзя шить на швейной машинѣ?

IX.

На какой городъ въ Сибири нельзя влѣзть?

X.

Если въ названіе стаднаго животнаго вставить его первый слогъ, то получится музыкальный инструментъ, который дѣлается изъ его кожи.

Какое это животное и какой это инструментъ?

XI.

Задуманы три слова, означающія:

1) То, безъ чего нельзя ѣздить, когда нѣтъ снѣга.

2) То, что для человѣка дороже жизни.

3) То, чего много на постройкахъ.

Взять отъ перваго слова *послѣдній* слогъ, отъ *второго* — первый и отъ *третьяго* — первый и составить изъ нихъ новое слово, означающее названіе птицы. Часть первая этого названія означаетъ то, что мы выкидываемъ изъ дома безъ жалости, а вторая — большую русскую рѣку.

Какая это птица?

(Предложила Н. Бринкманъ).

XII.

Зачѣмъ школьники носятъ ранцы и почему именно имъ приходится носить ихъ?

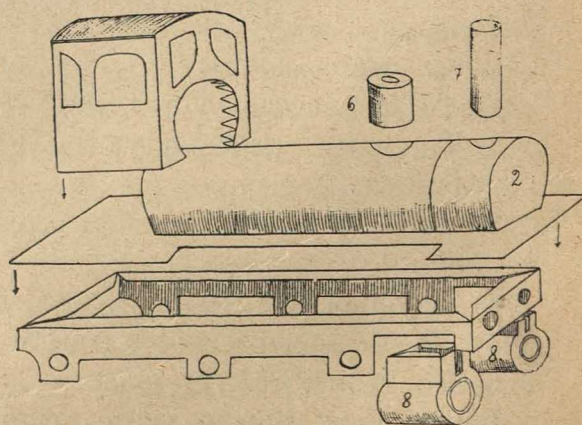
Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 5, помѣщенныхъ въ № 5 „Золотого Дѣтства“

I) До-лото, ре-бусы, ми-нога, фа-соль, си-рота.

II) По зайцу.

III) Долото, корова, бумага=дорога (до+рога).

Ребусъ № 5. М+ноги+ежи+т+ели+с+лобъ+о+дыра+нось+к+оси+ли+овесь=Многіе жители слободы рано скосили овесь.

Способъ склеиванія приложенія къ этому номеру. Каждая часть локомотива здѣсь указана отдѣльно. Оси сдѣлать изъ палочекъ. Такъ-же склеивается и тендеръ.

Вирнія рѣшенія прислали: Мирковичъ Женья въ Самарѣ, Эся, Катя и Витя Номакштейнскіе, Зоя Свѣтъ, Коля Монастырскій и Миша Рыженко, Аня Крымъ изъ Θεодосіи, Коля Грепачевскій, Маня, Шура, Коля, Роня и Катя Вѣльченко, Ал. Катковъ изъ Кузнецка, Л. Бурасъ, А. и Е. Вайсбергъ, Р. Блюмштейнъ, Микуся и Шурочка Кобцовы изъ Кременчуга, Кира Подлѣская, Варя Наумова, Ольга и Панько Зарѣцкіе, Соня и Юня Райхельсонъ, Митя Слабоспицкій, Юся и Шура Брукъ, Черный Визонъ—вождь индѣйцевъ Дакота, Толя Никольскій, Надя Бринманъ, Ричардъ, Свѣтлана Страховская, Ирочка и Маруся Посадскія, Коля Хартуларі, Вѣра и Оля Нестеровскія, Женья Дудатій, Валя и Шура Овчинниковы изъ Балахны, Андрюша Тресковъ изъ Ачинска, Николай Орловскій, Францъ Вейднеръ, Борисъ Скоблинъ, Толя, Саша и Вѣра Стратонитскія, Соня и Нина Конашинскія, Зина Бурчъ, Люля Владыкина изъ Балакова, Шурочка Аболь и Зиночка Дорошевичъ, «Зорька», Аркаша и Сережа Атманскихъ, Сережа Зоновъ, Толя Авшаровъ и Саша Бычкова, Маруся Пенковичъ, Максъ и Володя Варчъ, Лена и Коля Линдербъ, Дима Трещенковъ, Михаилъ Арефьевъ изъ Алешекъ, Андрюша Кремлевъ, Серафимъ Важинскій, Гимназистъ Володя Покрываловъ изъ Троицка, Глѣбъ Феттингъ, Аня Злоторовичъ, Людмила Долгополова, Наталія и Петръ Пядины, Татіана Хаджи-Коли, Зюзя и Миля Флейшеръ, Гулинька Андреева изъ Холма, Володя и Соня изъ Лиды, Эльза Шрейберъ, Андрюша Жуковъ изъ Нарвы, Ваня и Шура Сиротины, Красный Чертикъ, Боря Васильевъ-Искровъ, Маруся Кострицкая, Галя Внукова, Коля Воронинъ, Патя Кравченко изъ Брянска, Павлуша Бойко, Марія Кузовкина, Наташа Кутневичъ, Леонардъ и Эдгаръ фонъ-Рихтеръ, Анна и Ваня Гатевосянцъ, Антонина Балашева, Муся и Володя Визи, Таня и Сережа Панфиловы, Анна Моисеева, Ревекка Кикоинъ и Рахиль Гилильштейнъ, Боря и Ляля Петропольскіе, Нина и Нюра Мухины, Максъ и Эрихъ Варчъ, Александръ и Анна Хомяковы изъ Москвы, М. Брамсовъ, Толя Старовъ изъ Ирбита, Лидочка Яковлева изъ Харькова, Миша и Коля Тучемскіе, Галя Русиловичъ, Саша Лозовскій, Ваня Островитяновъ, Тася и Катя Глазуновы, Лена и Лиза Зейфертъ, Оеклуша Эпштейнъ, Вѣрочка Исикова и Катя Цацкина, Владиміръ Бердниковъ изъ Архангельска, Николай Ряпиловъ, Коля Клаучъ, Андрюша Федотовъ—донской казачокъ и его тетя—Таня Волкова—пиколаевская гимназистка, Владиміръ и Лена Калужскіе, Георгій и Женья Вебсъ, Шура и Юся

Брукъ, Тамарочка Назимова, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Тимоша, Липа и Митя изъ Конотопа, Сережа Лебедевъ изъ Зубова, Саша Никифоровъ изъ Юхнова, Петръ и Иванъ Рябинскіе, Миша, Соня, Володя и Женья Бурлаковы, Ниночка и Катюша Овчинниковы, Таня, Юся и Леля Леонидовы, Петя Ауэ, Вѣра и Коля Подъяпольскіе, Лева и Миша изъ Моршанска, Маня, Сережа, Люся, Леля и Васюхнуша Соболевы, Лена Дьяченко изъ Вахмута, Вава Чумаковскій, Лена, Зина и Нюра Коноплевы, Юра и Нина Делекторскіе, Сережа и Леша Юферовы, Володя Федеръ, Киска и Ляля Сычевы, Оля Бондаренко изъ Харькова, Ксенія Шверцель, В. Курелюкъ въ Спб., Жоржикъ Труссъ, Александръ и Николай Ковачевичи, Аня, Сима и Сережа Овсяниковы, Елена Точинская, Марія и Антонина Карпушины, Зинаида Климашева, Сережа Базыкинъ, Витя и Катя Сизовы изъ Харькова, Петя Тихонравовъ изъ Коврова, Юлія и Валдемаръ Вельце, Митя Кононовъ изъ Пульницы, Парафиша Маховъ, Вова Гарбузовъ изъ Лодзи, Нина Славина, Жоржикъ и Вѣра Коломацкіе, Галя Знавенко, Володя Даниловъ со ст. Дебальцево, Люся Кривенко, Шура Москаленко, Толя и Саша Стратонитскіе, Витя Жадько, и Шура Фисенко, А. Гротт-Слепиковскій, Оля Костеничъ, Серафимъ Важинскій, Соня и Нина Конашинскія, Шура Живченко, Тина Абугова со ст. Дебальцево, Сережа Стратоновичъ, Вѣрочка Каверзнева изъ Ревеля, Катя и Аня Спиро, Ваня Пилипенко, Катя Самсонова изъ Петровска, Лена и Коля Линдербъ Шура Шатиловъ, Вова и Туся Зенины, Женья Масалитинова, Шура Сяно, Маруся Иваненко, Миша Дробышевъ, Вася и Миша Бурцовы, Роза Агафурова, Юля Эрдманъ, Шура и Боря Тихомировы изъ Кургана, Аркаша и Рая Шонткевичъ, Приготовишка Казикъ Щепановскій, Шура Брукъ, Миля и Зюзя Флейшеръ, Куртикъ Беттигеръ, Татіана Орловская изъ Бердянска, Котя Холмовскій, Сережа и Леля Тарсановы, Митя Дрочинскій, Моисей и Гриша Фейгины, Надя Трунова изъ Севастополя, Нина и Вадя Хенкины, Олечка Валбашевская, Толя Авшаровъ и Саша Бычкова, Галя Знавенко, Маня и Ваня Чебаевскіе, Александръ Липшицъ, Жоржикъ Макаревичъ, Зоя и Ида Свѣтъ, Нюня и Роза Шерстинскія, Ляля, Женья и Валя Татариновы, Тамарочка и Танюша Назимовы, Славикъ Мироновичъ, Коля Розовскій, Зоя, Павелъ и Петръ Браншау, Эся, Катя и Витя Номакштейнскіе, Жоржикъ Гриненко, Оля и Таня Титовы изъ Медыни.

Очехъ рекомеждуется! новая книга для дѣтей:

Цѣна 40 коп.
Съ пересылкой 55 коп.

„Дружокъ и Томка“.

Повѣсть съ иллюстраціями.

Выписывать изъ Редаціи „Золотого Дѣтства“.

Повѣсть эта будетъ прочтена дѣтьми съ захватывающимъ интересомъ.

Ребусъ № 7.

(Фамиліи подписчиковъ, приславшихъ вѣрныя рѣшенія, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ. **МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.**

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 26.
Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

Годъ 6-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1913 годъ

на художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

← Подписной годъ съ 1-го Ноября. ☉ →

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).
12

ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга сказокъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ подъ заглавіемъ:

— „АНГЛИСКІЯ СКАЗКИ“ —

Въ нее войдетъ большая веселая повѣсть-сказка:

„АЛИСА ВЪ ВОЛШЕБНОЙ СТРАНѢ“.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смѣялки».

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-ГО НОЯБРЯ.